

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Герман Матвеев
**ЗЕЛЕННЫЕ
ЦЕПОЧКИ**

Герман Иванович Матвеев
Зеленые цепочки
Серия «Тарантул», книга 1
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137820

Зеленые цепочки: Детская литература; М.; 2010

ISBN 978-5-08-004591-2

Аннотация

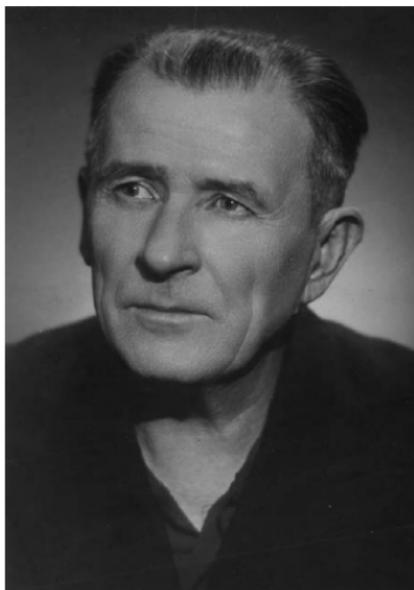
Первая книга трилогии «Тарантул».

1941-й год. Вокруг Ленинграда сжимается кольцо блокады, фашистские захватчики пытаются прорвать оборону и взять город. Во время артиллерийских налетов в ленинградское небо неожиданно взмывают зеленые ракеты, которыми вражеские пособники указывают цели для бомбежек – важные объекты города. Найти и обезвредить шпионов сотрудникам Комитета госбезопасности помогают обычные ленинградские мальчишки.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Об авторе этой книги	6
ЗЕЛЕННЫЕ ЦЕПОЧКИ	12
1. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО	13
2. МИША АЛЕКСЕЕВ	22
3. «ЗАЖИГАЛКИ»	28
4. КРАЖА	37
5. ВСТРЕЧА	43
6. НОВЫЙ ДЕНЬ	49
7. РАКЕТЧИК	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Матвеев.

1904—1961

Герман Иванович Матвеев

Зеленые цепочки

© Матвеев Г. И., наследники, 1945

© Кочергин Н. М., наследники, рисунки, 1945

© Третьяков В. Н., рисунки на переплете, 2010

© Оформление серии, предисловие, примечания. ОАО

«Издательство «Детская литература», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе этой книги

Нередко бывает так, что об авторе популярных в свое время литературных произведений даже современникам мало что известно. В ряду таких писателей оказался и Герман Иванович Матвеев (1904–1961). Он родился в городе Кизел на Урале. В 1922–1925 годах учился в Москве, в Государственном институте театральных искусств (ГИТИС). С 1926 года жил в Ленинграде. Работал в Агиттеатре, на кинофабрике. Затем, до 1931 года, на кинофабрике в Ялте. По своим собственным сценариям поставил два фильма: драму «Авария» (1931, Ленсоюзкино) и комедию «Эстафета».

В 1932 году Герман Матвеев заявил о себе как драматург для взрослых, а затем и для детей. Правда, пьесы для взрослых, как, например, агитпьеса «Алый флаг» (1937) на тему Октябрьской революции, не получили широкого признания, в то время как его пьесы для детей – «Пузан» (1934), «Волшебная калоша» (1935), «Прыг и Скок» (1936), «Потопыч» (1938) – были очень популярны и вплоть до 1970-х годов ставились многими кукольными театрами. Только в кукольном театре С. В. Образцова пьеса «Пузан» прошла 636 раз, а «Волшебная калоша» – 1735 раз. Их успех был обеспечен сочетанием довольно простого «кукольного» сюжета с многочисленными забавными моментами и трюками, кроме того, они практически не содержали конъюнктурных эле-

ментов социализма.

Как прозаик для детей Герман Матвеев начал печататься с 1939 года, когда вышла в свет его повесть о советских пограничниках «Одна ночь». Действие этой небольшой повести, как ясно из названия, разворачивается в течение одной ночи. Сюжет довольно прост: задержан диверсант, который сумел перейти советскую границу через считавшиеся непроходимыми болота. При нем найден чемоданчик с новым, неизвестным отравляющим веществом. При допросе на заставе, в ходе которого становится ясно, что вскоре границу планируют перейти еще несколько вражеских лазутчиков, задержанный совершает побег, ранив нескольких человек. Пограничники организуют погоню и выставляют пост на месте возможного пересечения границы. Когда границу действительно нарушает группа диверсантов, завязывается бой. Несмотря на численное преимущество противника, наши пограничники одерживают победу.

В этой повести автор поднимает очень серьезный вопрос, который впоследствии станет одним из основных в его произведениях. Это выбор профессии, поиск своего места жизни. Ведь благодаря происшествию с нарушителями границы солдаты-срочники, которые проходили службу на этой заставе и должны были демобилизоваться, решают остаться и связать свою дальнейшую жизнь с пограничными войсками.

В 1945 году в свет вышла приключенческая повесть Германа Матвеева «Зеленые цепочки» о ленинградских под-

ростках, которые во время блокады помогли сотрудникам Комитета госбезопасности обезвредить группу ракетчиков, специальными сигналами указывавших фашистским летчикам важные объекты города. Через три года появилось продолжение – повесть «Тайная схватка», где те же мальчишки снова участвуют в обезвреживании диверсантов, готовящих в Ленинграде взрывы хранилищ аммиака. Повесть «Тарантул» (1957) является завершающей, третьей книгой. В ней главный герой, Миша Алексеев, уже участвует в серьезной контрразведывательной операции. По этой повести впоследствии названа и вся трилогия.

В 1970 году по мотивам этих произведений был снят кинофильм «Зеленые цепочки» (студия «Ленфильм», режиссер Г. Аронов, автор сценария Ф. Миронер). В этом фильме в роли Миши Алексеева дебютировал Александр Григорьев, позже снявшийся в известной научно-фантастической дилогии «Москва – Кассиопея» и «Отроки во Вселенной». А роль майора Ивана Васильевича стала последней работой для актера Павла Луспекаева. В 1982 году появилось продолжение этого фильма – телефильм «Тарантул».

Кроме этого, Герман Матвеев написал две повести о ребятах, которые нашли свое призвание в сельском хозяйстве и на практике доказали взрослым свою состоятельность и готовность заниматься любимым делом, – о мичуринцах, юных последователях методов селекции и ведения сельского хозяйства, основанных советским биологом Иваном Владими-

ровичем Мичуриным (1855–1935).

О юных садоводах, во время Великой Отечественной войны занимавшихся разведением фруктовых деревьев даже на оккупированной фашистами советской земле, рассказывает повесть «Новый сорт» (1948). Примечательна в повести встреча главного героя, мальчика Вани Морозова, оказавшегося в блокадном Ленинграде, с реальным человеком, легендой Ленинградского ботанического сада, ученым-садоводом Николаем Ивановичем Курнаковым. Этот человек спас суровой зимой 1941/42 года обреченную войной на гибель уникальную коллекцию растений, кактусов, часть которых утрачена в дикой природе. Он и другие садоводы переносили растения к себе домой, обогревали теплом «буржук», залечивали обмороженные места. Эти растения живы до сих пор и являются гордостью Ботанического сада Санкт-Петербурга.

В повести «Первая весна» (1952) колхозные юннаты берутся за важное и ответственное для послевоенного времени, когда необходимо было быстро восстанавливать сельское хозяйство, задание – ускоренное размножение новых, устойчивых к болезням сортов картофеля. Упорство и труд приносят закономерный результат: ребятам удается получить с каждой картофелины, взятой во Всесоюзном институте растениеводства в Ленинграде, рекордное количество семенного материала, во что взрослые колхозники даже не верили.

Широкую известность в свое время получила повесть Германа Матвеева «Семнадцатилетние» (1954), написанная в

результате многолетнего и глубокого изучения школьной жизни. Несмотря на обязательный для того времени и подобной литературы идеологический уклон, книга и в наши дни интересна, ведь ее героини – десятиклассницы, у которых по-разному складывается жизнь в семье, по-своему проявляется характер. В повести описываются непростые взаимоотношения школьников со взрослыми и сверстниками, с их классным руководителем, учителем литературы, рассказывается о становлении личности, о выборе жизненного пути после окончания школы, о первой любви.

В 1959 году Матвеев написал приключенческую повесть «После бури», в которой подростки из шахтерских семей помогают большевикам переправить в Петербург подпольную типографию, спрятанную после революционных событий 1905 года в заброшенной шахте. Действие повести происходит в конце 1907 года в родном городе писателя Кизеле, что нашло свое отражение в замечательных зарисовках уральской природы и городских окрестностей.

Теме воспитания юного поколения посвящено и последнее произведение писателя – повесть «Новый директор» (1961), которая как бы является продолжением повести «Семнадцатилетние», ведь в ней действует тот же самый главный герой – учитель литературы.

Более полувека прошло с момента написания книг Г. И. Матвеева. Жизнь нашей страны с тех пор сильно изменилась, но как иначе мы можем узнать и понять нашу историю,

как не из книг того времени. Возможность увидеть осажденный фашистами Ленинград глазами человека, пережившего блокаду, испытать гордость за беспримерный подвиг ленинградцев, которые отстояли свой город, – вот главная ценность трилогии «Тарантул», переиздаваемой в наши дни в издательстве «Детская литература».

ЗЕЛЕННЫЕ ЦЕПОЧКИ

1. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО

Фронт приближался к Ленинграду.

Вдоль железных дорог, по шоссе, лесными тропинками и напрямик по болотам возвращались ленинградцы домой с оборонных работ. Вперемежку с ними шли беженцы. Бросив родные места, уходили они от врага целыми семьями, с малолетними детьми на руках, с громадными узлами. Измученные, запыленные, шагали они, понутив головы, в Ленинград, надеясь там найти защиту и кров.

В другую сторону, навстречу немцам, двигались воинские части и отряды народного ополчения.

Фашистские самолеты то и дело появлялись в воздухе, сбрасывая бомбы на дороги и поливая свинцом толпы беженцев. Услышав нарастающий гул самолетов, пешеходы шаркались в лес, ложились в канавы. И снова шли вперед, как только самолеты скрывались.

Три молодые девушки-студентки шагали босиком по пыльной проселочной дороге. На привале к ним присоединились двое пожилых мужчин с чемоданчиками. Один из них, однорукий инвалид Гражданской войны, был с веселым характером, болтливый и предупредительный. Другой, наоборот, всю дорогу хмурился, о чем-то сосредоточенно думал и ни с кем не разговаривал. Дядя Петя, как назвал себя однорукий, беспрерывно рассказывал смешные истории и

анекдоты, расспрашивая девушек об их жизни до войны, об учебе и о Ленинграде. Он отпускал злые шутки вслед немецким летчикам, называя их «колбасниками», и, казалось, совсем не обращал внимания на настроение своего спутника. А тот мрачнел все больше и больше, чем ближе подходили они к Ленинграду.

К вечеру, лесными тропинками, они прошли Сиверскую*¹ и остановились отдохнуть.

– Пойдем-ка со мной, – сказал однорукий приятелю, заметив его злой взгляд.

Не оглядываясь и не повторяя приглашения, он углубился в лес.

Хмурый прислонил свой чемодан к дереву и неохотно поплелся следом за своим товарищем. Вскоре студентки услышали их громкие голоса. Слов они не могли разобрать, да особенно и не прислушивались к чужому спору. Спор вдруг оборвался. Минут через десять хмурый вышел из леса один и, взяв свой чемодан, предложил девушкам двинуться дальше.

– А где же дядя Петя? – спросила одна из них.

– Он нас догонит.

Вышли на шоссе, но однорукий не появлялся. Хмурый молча шел то впереди, то отставал на несколько шагов, часто оглядываясь по сторонам. Темнота наступила быстро. Сзади

¹ Слова и выражения, отмеченные знаком *, объясняются в примечаниях в конце книги, с. 166–169.

на горизонте видны были зарева пожаров и какие-то вспышки. Глухо доносились раскаты пушечной стрельбы. На повороте хмурый сошел с дороги и крикнул уходившим вперед девушкам:

– Не торопитесь! Я сейчас.

Девушки не придали значения этим словам и продолжали быстро шагать дальше. Вдруг раздался отчаянный крик. Девушки услышали в темноте какую-то возню и хриплый мужской голос:

– Настя! Помоги! Сюда-а!..

Настей звали одну из студенток. Она была старше и решительнее своих подруг.

– Это наш! – сказала она. – Что такое? Пошли, девчата.

Все трое быстро побежали в обратную сторону.

Хмурый был еще жив, но говорить уже не мог. Он захлебывался своей кровью. Настя успела разобрать только одно слово: «Чемодан». Нож вошел в его грудь по самую рукоятку, и, прежде чем девушка нащупала ее, все было кончено. Хмурый их спутник умер.

Перепуганные, растерявшиеся, стояли они над трупом, не зная, что им делать дальше. Последние дни они видели много ужасного. Им приходилось много раз наскоро перевязывать раненых, и некоторые умирали у них на руках, но там они знали причину смерти и видели убийц на самолетах.

Это же убийство было совершено с какой-то таинственной целью неизвестным лицом.

– Чемодан! Он сказал: «Чемодан», – в раздумье промолвила Настя. – Девчата, ищите-ка чемодан.

Девушки обшарили в темноте асфальт и обочину дороги возле трупa, но чемодана не нашли. Нельзя было терять времени на поиски. Они оставили убитого на дороге и пошли. Пройдя шагов двадцать от места преступления, Настя, шедшая с краю дороги, споткнулась обо что-то твердое и ушибла ногу. Она нагнулась и в темноте разглядела контуры чемодана. Ушедшие вперед подруги остановились.

– Ты что?

– О камень споткнулась, – громко сказала Настя и подняла чемоданчик.

Почему-то ей подумалось, что лучше пока молчать про ее

находку. Вокруг чемодана есть какая-то тайна, и, кто знает, может быть, убийца следит за ними и слушает, притаившись где-нибудь поблизости.

В полной темноте по нагретому за день асфальту шли молча три подруги, все время ускоряя шаги. Одна сказала:

– Может быть, дядю Петю тоже убили?

– Все может быть, – отозвалась Настя.

– У него тоже был такой же чемоданчик.

– Молчите вы...

– Что-то я боюсь, девочки...

Чемодан был тяжелый, словно там лежало железо. Он оттягивал руку, и все-таки Настя терпеливо несла его в город.

...Все это она, сильно волнуясь, рассказала сейчас майору государственной безопасности, сидя перед ним в кожаном кресле.

Майор, еще не старый человек с седыми висками, внимательно выслушал рассказ девушки и задумался. Чемодан, принесенный Настей в Ленинград и полученный им вчера вечером, стоял около письменного стола.

– Значит, дядю Петю вы так и не видели больше? – спросил майор.

– Нет. Я боюсь, что его тоже убили.

Майор как будто не слышал этой фразы.

– Убитый тоже называл его дядей Петей?

– Не помню... Нет! Он, кажется, никак его не называл.

Вообще убитый был странный человек. Он все время мол-

чал. Мы сначала думали, что он немой.

– Как он выглядел?

– Кто? Убитый?

– Как выглядел убитый, я уже знаю. Меня интересует однорукий.

– Он был невысокого роста... бритый... немолодой уже...

– Сколько же ему было лет, на ваш взгляд?

– Я думаю, лет сорок... ну, сорок пять. Волосы у него были коротко подстрижены... Ах да!.. Во рту два золотых зуба... Вот, кажется, и все.

– Как он владел рукой?

– Очень хорошо. Просто мы даже удивлялись, как он ловко все делает одной рукой.

– Во что он был одет?

– Костюм... синий и, кажется, неновый. Да разве там разберешь? Всё в пыли...

– Вы не заметили у него часов?

– Да, были. Он часто на них смотрел.

Майор открыл письменный стол, достал мужские карманные часы, черные с золотым ободком, и, чуть приподнявшись в кресле, положил их перед девушкой.

– Такие? – спросил майор с улыбкой.

– Это они и есть. Точно такие же... Это они.

– А разве у убитого не было часов?

– Кажется, нет... А впрочем, не помню.

– По дороге, в разговорах между собой, они не называли

никаких адресов?

– Дядя Петя как-то сказал, что у него есть родные в Ленинграде, но, кто они и где живут, не сказал.

– Так. Я попрошу вас все, что вы мне рассказали сейчас, написать на бумаге. Постарайтесь припомнить всякие подробности, мелочи... Чем питались ваши спутники... Вспомните цвет глаз, волос инвалида... Словом, решительно все, что вы запомнили.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– Пройдемте со мной.

Они вышли из кабинета. В конце коридора майор открыл дверь и жестом пригласил Настю войти.

– Располагайтесь, как дома. Если хотите отдохнуть, вот диван – пожалуйста, не стесняйтесь. Здесь обед, – сказал майор, указывая на судки, стоявшие на столе. – Если вам что-нибудь понадобится или вы закончите работу, позвоните мне по телефону, а главное – постарайтесь вспомнить все как можно подробнее. «Дядя Петя» меня очень интересует.

Майор государственной безопасности вернулся в кабинет и раскрыл чемодан, который принесла ему девушка. Там лежала карта Ленинграда. Он разложил ее на столе и занялся изучением разноцветных пометок. Он обратил внимание на три крестика. Это были оборонные объекты на Петроградской стороне. Внизу была сделана надпись: *«Первые четные числа недели. Второй эшелон. Зеленые цепочки с северной стороны».*

Кроме карты в чемодане лежали длинные алюминиевые патроны, по форме похожие на охотничьи. На патронах бы-

ли ярко-зеленые полоски. Майор снял с телефона трубку и набрал номер.

Через несколько минут в кабинет вошел молодой человек в штатской одежде.

– Товарищ майор государственной безопасности, по вашему приказанию...

– Да, да... Вот в чем дело, товарищ Бураков. Возьмите этот патрон, поезжайте за город, разрядите из немецкой ракетницы где-нибудь в воздух и посмотрите, что это за пиротехника. Вероятно, зеленые цепочки.

2. МИША АЛЕКСЕЕВ

Мать не возвращалась домой. На четвертый день Миша Алексеев пошел на завод узнать, что с ней случилось. Там ему сказали, что бомба попала в цех, где она работала, и ее увезли в тяжелом состоянии в больницу. В больнице сообщили, что Алексеева Мария умерла в тот же день, не приходя в сознание.

Вернувшись домой, Миша сел к окну и задумался. Его четырехлетняя сестренка Люся возилась у своей кровати с тряпочной куклой. Лицо и руки у девочки были перемазаны сажей, грязное платье надето задом наперед, волосы спутаны и растрепаны. Три последние дня Миша не замечал этого, но сейчас, когда почувствовал ответственность за судьбу сестренки, сердце у мальчика сжалось. «Никого теперь у нее нет, кроме меня», – подумал он и сказал:

– Люся, у нас нет больше мамы.

– Мама пошла на работу, – ответила девочка не оглядываясь.

– Мама больше не придет, Люся.

Вспомнилось, как отец, уезжая на фронт, похлопал его по плечу и, нагнувшись, тихо сказал: «Ты теперь большой, Мишаил. В случае чего, матери помогай. Я на тебя надеяться буду. В пятнадцать лет я уже деньги зарабатывал».

– Миша, дай карандашик, – попросила девочка.

Миша пошарил в карманах и среди осколков, патронов, собранных за последние дни, нашел огрызок карандаша и дал его сестренке. Та вытащила спрятанный клочок бумаги, положила его на подоконник и, забравшись на колени к брату, начала усердно рисовать какие-то каракули. Миша смотрел в окно, слушал, как девочка сопит носом от усердия, и думал.

За окном завывла сирена.

– Вот! Миша! Слушай, – сказала девочка и потянулась к окошку.

Улица зашевелилась, как разворошенный муравейник. Люди с сумками, с мешками для продуктов побежали в разных направлениях, чтобы поспеть домой, пока дежурные с красными повязками на рукавах не заставили их укрыться в подворотнях и подвалах. Миша узнал своих приятелей, проскочивших в одну из парадных дверей. Там был ход на чердак, и он знал, что ребята полезли на крышу. Ему тоже захотелось присоединиться к ним, но сестренка сидела на коленях, и сейчас ему жалко было оставить ее одну.

Где-то далеко захлопали зенитки*.

Миша думал: родных в Ленинграде не осталось. В такое трудное время ему не прокормить сестренку. Сам он не пропадет. Но что делать с девочкой?

Неожиданная мысль мелькнула в голове и после короткого колебания превратилась в решение.

– Собирайся, Люська! – решительно сказал он, спуская

сестренку на пол.

– А зачем?

– Гулять пойдем. Бери своих кукол, всё забирай.

Девочка некоторое время стояла в нерешительности, наблюдая, как Миша разложил большой платок и из комода стал вытаскивать ее платья, чулки, белье. Сообразив, что они куда-то пойдут, она захлопотала и принялась одевать тряпочную куклу.

– Мы к маме пойдем. Да, Миша?

– Да, да!.. Собирайся живей!.. Ничего не оставляй!.. Где твои валенки-то? – говорил он, торопливо укладывая ее вещи.

Потом он взвалил узел с вещами на плечо, взял девочку за руку и, закрыв комнату на ключ, вышел из дому.

Тревога уже кончилась. Всю дорогу Люся оживленно болтала, спрашивала о чем-то брата, но он не слушал ее. Выйдя на Пушкарскую, Миша остановился перед большим домом.

– Вот и пришли. Ты здесь будешь жить, Люсенька, а я к тебе в гости буду ходить. Поняла?

– Да.

Они поднялись по лестнице.

Заведующая детским садом внимательно выслушала мальчика.

– Как твоя фамилия? – спросила заведующая.

– Алексеев Михаил.

– Почему же ты привел ее именно к нам?

– А я раньше, когда маленький был, каждый день сюда ходил. Только тогда другая заведующая была.

– Может быть, в другом доме ей лучше будет?

– Нет. Я сюда ходил, пускай и она здесь останется. Да вы не думайте, что я насовсем ее оставлю. Разве я Люську брошу?.. Мне бы только сначала устроиться, а потом жить мы будем вместе.

Из-за дверей доносился шум детских голосов. Ребята недавно вернулись из подвала, куда спускались по тревоге, и, видимо, делились впечатлениями. Все это было ново для Люси, и она, прижавшись к коленям брата, молчала и широко открытыми глазами оглядывала незнакомую обстановку.

Заведующая, улыбнувшись, сказала:

– Пускай будет по-твоему. Оставляй свою сестру. Карточки взял?

Миша положил на стол продуктовые карточки.

– Как зовут сестру?

– Людмила.

– Сколько лет?

– Четыре года.

– На чьем иждивении находится?

– Теперь, значит, на моем.

– Адрес?

Когда все было записано и оформлено, позвали воспитательницу – взять девочку.

Время было прощаться. Миша нагнулся к сестренке. В горле стоял комок, глаза его покраснели.

– Люсенька, ты тут не озорничай, слушайся тетю. Я буду в

гости приходить. В обиду никому не давайся, а в случае чего – мне скажи.

Девочка молча кивала в знак согласия. Чмокнув в нос сестренку, Миша вышел из комнаты. На улице он потянулся, вдохнул всей грудью холодный осенний воздух и зашагал домой.

Теперь можно было подумать и о себе.

3. «ЗАЖИГАЛКИ»

На крышу дома Мишка с двумя приятелями притащил доску, несколько кирпичей и устроил около трубы скамейку. Тревоги следовали одна за другой, и, как только раздавался вой сирены, ребята вылезали через слуховое чердачное окно на крышу и занимали наблюдательный пост на своей скамейке.

Весь город был перед ними как на ладони. Неподалеку виднелась Петропавловская крепость*, за ней – Исаакиевский собор*, влево, за Невой, поднималось над крышами высокое бетонное здание НКВД*, еще левее – водонапорная башня, трубы ГЭС*, купола Смольного*.

Ребята считали себя полными хозяевами крыши и всех осколков, падающих на нее.

Однажды вечером из слухового окна вылез еще один доброволец – высокий плотный мужчина в коричневом пальто.

Мишки не было, и два молодых пожарника встретили незнакомца недоброжелательно, не зная, как поступить с ним. Отправить без разговоров вниз или подождать Мишку? Пускай тот сам решает.

– Здорово, воробы! – приветливо поздоровался незнакомец. – А вы тут устроились славно. На скамеечку можно присесть?

– Тут Мишкино место.

– Ничего. Придет Мишка – я встану.

С этими словами незнакомец подсел к ребятам и, вытащив из кармана пачку папирос, предложил им:

– Курите!

Васька взял две папиросы. Одну сунул в рот, другую протянул Степке. Закурили. Незнакомец ребятам понравился, и не потому, что он «купил» их папиросой, а глаза его понравились. В голосе, в жестах незнакомца чувствовалась большая уверенность в себе, и в то же время он был какой-то простой, доступный.

«Не задается», – подумали ребята.

– Хорошо тут, – сказал незнакомец. – И видно далеко. Только над головой я бы вам крышу советовал устроить. Зенитный осколок может прилететь.

– Не прилетит, – твердо заявил Васька.

– Смотри! Если прилетит, второго ждать не придется.

– А вы тоже в пожарники записались? – ревниво спросил Степка.

– Я сегодня выходной, вот и поднялся посмотреть.

Вначале разговор клеился плохо, но скоро оживился. Незнакомец стал расспрашивать ребят об их жизни. Узнал, что оба они живут в этом доме, что у Васьки Кожуха мать на казарменном положении при заводе, а у Степки Панфилова работает в охране и по ночам дежурит. Рассказали ребята про школу, про управхоза*, про Мишку, на месте которого сидел незнакомец. Смертью Мишкиной матери и его сест-

ренкой он особенно заинтересовался. Чем больше говорили ребята, тем больше им хотелось рассказывать, потому что такого внимательного, отзывчивого слушателя они встретили впервые. Обычно взрослые, с которыми они встречались, не слушали их, а если и слушали, то не проявляли никакого интереса к тому, что говорили ребята. Этот же, наоборот, спрашивал сам и слушал с таким живым интересом, что не замечалась разница в годах. Может быть, он и на самом деле забыл, что у него седые волосы на висках, вспомнил свое детство и с удовольствием болтал с мальчишками?

– Ну, развязали языки! – неожиданно раздался Мишкин голос.

Они не заметили, как он появился на крыше и некоторое время прислушивался к разговору.

– Ага! Чувствую, что главный начальник пришел. Садись. Я твое место занял, – сказал незнакомец, вставая.

Мишка нахмурил брови, оглядел его с ног до головы и сел на скамейку. Незнакомец молча перешел к другой трубе и стал смотреть в сторону Финляндского вокзала.

– Кто такой? – тихо спросил Мишка.

– Не знаю. Не с нашего дома. Я его первый раз вижу.

– А может, он пожарник из МПВО*? – сделал предположение Степка.

Это было вероятно. Последние дни часто приходили всякие инспекторы и начальники проверять подготовку дома к обороне.

Незнакомец вернулся к ребятам.

– В обязательном порядке сидите на крыше или так... добровольно?

– А тебе какое дело? – обрезал Мишка.

– Вот так раз! Трудно ответить? – удивился незнакомец.

– Пойди спрашивай управхоза, если надо...

– Ага! Значит, это военная тайна.

Мишка почувствовал в тоне насмешку и решил не разговаривать. В это время загудели в разных концах города заводы, пароходы на Неве, ручные сирены в домах, и сейчас же захлопали зенитки.

Незнакомец посмотрел на часы и сказал:

– Прилетели, как по расписанию.

Сумерки сгущались. Город притаился. Гулко и нервно шелкал метроном по радио*, и шелканье это еще больше подчеркивало наступившую тишину. Лучи прожекторов шарили по небу, перекрещивались, красные вспышки разрывов осветили горизонт несколько раз подряд.

– Бомбит, – сказал Мишка.

Мужчина стоял молча, облокотившись на трубу. В это время зенитки открыли огонь в другой стороне города, и ясно донесся гул летевших самолетов. Приближался второй эшелон бомбардировщиков. Гул нарастал, и вместе с ним нарастала стрельба. Заговорили пушки, расположенные на кораблях и по эту сторону Невы. Оглушительно захлопали зе-

нитки, стоявшие где-то совсем близко.

И вдруг навстречу самолетам снизу полетели ракеты. Белые, красные, желтые, они описывали дугу и гасли в воздухе.

– Смотрите, ребята! Ракеты пускают, мер-рзавцы!.. – сказал сквозь зубы незнакомец.

Мальчики видели ракеты и раньше, но не придавали им особенного значения. «Значит, так надо», – думали они, уверенные в том, что ракеты пускают наши наблюдатели. Замечание незнакомца заставило ребят насторожиться.

– Зачем пускают? – спросил Васька.

– Объекты немцам показывают. Шпионы...

В это время слева, часто, одна за другой, полетели ярко-зеленые ракеты, образуя цепочку.

– Смотрите, смотрите! – крикнул Степка.

– Зеленая цепочка, – сказал незнакомец. – Заметили, с какой улицы ее пустили?

– Где-то близко, за Шамшевой...

Самолеты гудели совсем близко, казалось, прямо над головой; и ребята подумали, что «волна» уже прошла. Вдруг завывла бомба.

– Ложись! – скомандовал незнакомец, и все упали ничком на крышу.

От удара дом дрогнул и закачался. Грохот разрыва, звон выбитых стекол, крики людей – все слилось вместе. Потом наступила тишина. Ребята поднялись. Бомба упала где-то очень близко.

– Здоровая фугаска! – сказал Мишка.

Во дворе затопали бежавшие куда-то люди, раздались выкрики команд. Это группы самозащиты торопились к очагу поражения на помощь. Ребятам хотелось спуститься вниз, присоединиться к дружинницам, узнать, посмотреть, но опять яростно ударили зенитки. Приближалась новая волна самолетов.

Не успели ребята прийти в себя, как сверху со свистом посыпались какие-то предметы. Несколько штук ударилось в крышу. Мишка увидел белый свет в чердачном окне.

– «Зажигалки»!* – крикнул он и бросился на чердак.

«Зажигалка» шипела, хлопала, разгоралась белым пламенем. Не задумываясь ни на секунду, Мишка сорвал висев-

ший на стене брезентовый передник и накрыл им «зажигалку». Он выбросил ее вместе с передником через слуховое окно во двор, потом огляделся. В конце чердака разгоралась другая. К ней уже бежал Васька. Мишка со всех ног бросился туда, оттолкнул своего друга в сторону, схватил руками «зажигалку» и так же проворно выбросил ее в слуховое окно.

– Готово!

– А чего ты толкаешься? – с дрожью в голосе от обиды сказал Васька.

Драка казалась неизбежной. Еще секунда – и приятели сцепились бы в темноте. Но в это время блеснул фонарик.

– Тихо, петухи! Искать «зажигалки»! – приказал незнакомец. – Наверно, еще где-нибудь есть...

Они пошли по чердаку, освещая фонариком все углы. Действительно, еще одна «зажигалка» лежала на полу, уткнувшись в песок. Она пробила крышу, но почему-то не загорелась.

– Чур, моя! – крикнул Мишка.

– Дай сюда, – сказал незнакомец и, взяв «зажигалку» из рук мальчика, вывернул какую-то деталь. – Теперь можешь взять.

Вторую «зажигалку» нашел незнакомец. Он также ее разрядил и отдал Ваське.

– Теперь довольны? А то уже и в драку полезли... Работы еще хватит на всех. Война только начинается... У меня к вам будет серьезное дело, ребята, – сказал он, направляясь к

окну. – Пойдемте потолкуем.

Потолковать, однако, не пришлось. Сначала хватились Степки. Думали, что его снесло с крыши взрывной волной, но скоро выяснилось, что Степка увидел «зажигалку», упавшую на соседнюю крышу, и перелез туда. Затем на чердак поднялся управхоз с участковым инспектором и женщинами из групп самозащиты. Пришлось снова обойти все углы и проверить, не осталось ли где «зажигалки».

Тревога кончилась. Ребята решили сбегать к очагу поражения, но их туда не пустили. Дом был уже оцеплен командами МПВО и милицией. «Скорая помощь» поминутно увозила раненых. Когда ребята вспомнили про незнакомца, то его уже не было ни на крыше, ни в штабе, и никто не знал, кто он и откуда появился.

4. КРАЖА

Ребята знали, что Ленинград уже окружен врагами, что все дороги перерезаны и выхода из города, кроме как по воздуху, нет.

«Нас хотят задушить», – говорили взрослые.

Без матери Мишке стало трудно жить. Появились заботы, о которых он раньше и не подозревал. Нужно было выкупать продукты, а денег не было. Тогда он взял часть вещей, оставшихся после матери, и вынес их на Сытный рынок. Вещей никто не покупал. Люди искали только продукты: хлеб, картофель, масло, крупу, – и цены на них росли с каждым часом. Мишке страшно хотелось есть, под ложечкой сосало, но даже хлеб по карточке не на что было выкупить. Злой и усталый, вернулся он с рынка и, встретив во дворе старика дворника, обратился к нему.

– Дядя Василий, одолжи мне пятерку, – сказал Мишка, краснея. – Завтра отдам, честное слово.

Старик сердито посмотрел на Мишку, но не выругался, а, вытащив из кармана старый кошелек, вынул пять рублей и дал мальчику.

– Где у тебя сестра-то? – спросил старик.

– Я ее в детский сад устроил.

– Ты, парень, сейчас держи ухо востро, – назидательно сказал он. – На сиротском положении в два счета с пути свер-

нуться можно. Еще воровать начнешь... «Коли хочешь пропасти, начни красти», – люди говорят.

На другое утро Мишка пошел на рынок уже без вещей. Зачем? Он сам не отдавал себе отчета. От пяти рублей, занятых накануне у дворника, у него оставалось всего несколько копеек, так что купить себе еды он не мог.

Прислонившись к одному из ларьков, он, сам не зная для чего, стал наблюдать за очередью. Пожилая женщина с рас-

трепанными, как пакля, волосами привлекла его внимание.

В руках у нее блестела черная лакированная сумочка. Почему-то Мишка, заметив эту сумочку, сразу отвел глаза и хотел отойти в сторону, но вместо этого подошел еще ближе. Сердце у него билось учащенно. Ноги отяжелели от страха, а вместе с тем он уже глаз не мог отвести от этой сумочки. К женщине подошла какая-то девочка и что-то ей сказала, и та, открыв сумочку, достала из нее несколько красных бумажек.

Мишка вдруг пожалел, что женщина с такой легкостью раздает деньги, и ужаснулся сам себе: только теперь он понял, что хочет украсть эту сумку!

В нескольких шагах от него стоял однорукий человек с небольшим чемоданчиком. Этот чемоданчик Мишка тоже заметил и, торопливо отойдя от женщины с сумочкой, невольно стал наблюдать. Однорукий рассеянно поглядывал по сторонам. Какой-то человек в военной форме, но без петлиц подошел к нему.

– Вы не знаете, сколько сейчас времени? – спросил он.

Инвалид поставил чемодан на землю, достал черные с золотым ободком часы и без слов показал их подошедшему.

– А у вас не найдется закурить?..

Инвалид улыбнулся, блеснув золотыми зубами.

– А вы что курите? Махорку, табак или папиросы? – спросил он в свою очередь.

– Папиросы.

«Вот какой нахальный!» – подумал Мишка, но, к его удив-

лению, однорукый не рассердился, а достал папиросы.

– Пока есть, курите, – сказал он, открывая портсигар.

Человек в военной форме взял папиросу, закурил, приложил руку к пилотке, нагнулся и, подняв чемоданчик, пошел к выходу. Мишка хотел было крикнуть инвалиду, что у него утащили чемодан, но не крикнул, заметив, что тот равнодушно провожает взглядом уходившего. Все это было странно. Судя по их разговору, однорукый не знал этого человека, но почему-то отдал чемодан, не получив взамен ничего.

Дальнейшие события развернулись очень стремительно. Завыла сирена, и все заторопились к выходу. В воротах образовалась пробка. Задние напирали. Неожиданно Мишка увидел женщину с сумочкой. Он заработал локтями и почти у выхода схватил сумку и дернул ее изо всей силы вниз. В тот же момент людским потоком его вынесло за ворота. Стало просторнее. Мишка сунул сумку под тужурку, метнулся в сторону и побежал. У первого же дома его задержали дежурные МПВО и направили в бомбоубежище. Сидя в подвале и прислушиваясь к разговору, Мишка чувствовал под тужуркой холодок упругой кожи. Ему хотелось посмотреть, что лежит в сумке, но открыто это сделать он не решался, боясь, что его сразу заподозрят в воровстве.

– Черт понес меня на рынок! – ворчал какой-то старик. – Сколько времени тревога протянется... Просидишь опять по-вчерашнему, до вечера.

– Зачем загоняют людей в подвалы? – сочувственно ото-

звалась женщина, сидевшая рядом с Мишкой. – Толкотня, беспорядок... У какой-то женщины в этой давке сумочку украли.

– Да... – согласился старик. – Этих бандитов я бы на месте давил, как клопов. В сумочке-то, наверно, карточки были.

У Мишки ёкнуло сердце. Старик сказал эти слова с таким презрением, что на душе у мальчика стало нехорошо. Мишка пересел в темный угол.

– У другой женщины муж на фронте, родину защищает, дома – дети, а тут какой-то паразит последние деньги украдет, – продолжал старик.

Когда заиграли отбой, Мишка вышел на улицу один из первых и быстро зашагал домой, придерживая рукой сумочку. Из-под ворот выходили люди. Сзади раздался визгливый женский голос:

– Вот он! Держите его!..

Мишка сразу сообразил, что женщина, которую он обокрал, заметила его, и побежал. Не успел он сделать несколько прыжков, как кто-то подставил ему ножку, он упал, сумочка выпала на тротуар. Остальное происходило как во сне. Крики, плач женщины, удары...

Когда Мишка пришел в себя, то почувствовал, что кто-то крепко держит его за шиворот.

В отделении милиции, куда его привели, народу было много. Вместе с Мишкой пришли трое: милиционер, старик, сидевший в бомбоубежище, и еще третий, в коричневом

вом пальто. Его Мишка узнал сразу по веселым глазам и седым волосам на висках. Это был тот самый незнакомец, который помогал им тушить на чердаке «зажигалки». Сейчас он отошел в сторону и хмуро поглядывал на Мишку. А потом, когда кончился допрос, он прошел за перегородку и, нагнувшись, сказал несколько слов лейтенанту милиции. Глаза его равнодушно скользнули по Мишкиному лицу, и он сразу вышел из дежурной комнаты.

Лейтенант крикнул задремавшему на скамейке милиционеру:

– Жуков! Посади-ка туда мальчишку.

– Есть!

Через минуту Мишка оказался в темной комнате, услышал, как за ним захлопнулась дверь и звякнул засов.

5. ВСТРЕЧА

До вечера Мишка просидел в пустой комнате один. Завыли сирены. Над головой затопали сапогами бежавшие милиционеры, а затем наступила тишина. Из-за печки выбежала большая крыса. Она смело посмотрела на Мишку, подняв мордочку, понюхала воздух, не спеша пробежала через комнату и исчезла в норе. Мишка сидел на табуретке, равнодушный ко всему. Ему казалось, что жизнь оборвалась и окончилась. Его осудят за кражу и заключат в тюрьму. Прощай, море! Не бывать ему моряком торгового флота, не будет он плавать по дальним морям...

Мысль о сестренке, которая напрасно ждет его в гости, кольнула в сердце, и слезы сами собой закапали из глаз. Раньше Мишка никогда не ревел и считал позорным «распускать нюни». Сейчас он не стеснялся слез, тем более что их никто не видел. Слезы доставляли ему даже некоторое удовлетворение. Он стал еще больше растравлять себя, вспоминая мать, отца. Стало жаль всех, и даже женщину, у которой он украл сумку. Потом слезы высохли сами собой и наступило полусонное оцепенение. Мишка не знал, сколько времени он сидел так, неподвижно, подпирая голову руками. Очнулся он, когда в соседней комнате загремели миски и ложки. Есть хотелось, как никогда. Он стал ходить по комнате в ожидании, что ему сейчас дадут обед, но никто не приходил. Он

бы мог поднять шум, забарабанить в дверь кулаками и потребовать себе еду, но почему-то не стал этого делать. Где-то в подсознании скрывалась надежда, что его не случайно посадили одного в пустую комнату и что незнакомец в коричневом пальто еще появится.

Чтобы время шло скорее, Мишка лег на кровать, но заснуть не мог.

Наступил вечер. В комнате стало совсем темно. Наконец дверь открылась. Мишка повернул голову и увидел в дверях милиционера.

– Выходи, – равнодушно сказал тот.

Мальчик поднялся и покорно вышел за милиционером в дежурную комнату, где их ожидал незнакомый Мишке молодой человек. Мишка заметил, что под штатским пальто он носит военную форму.

– Этот? – сказал милиционер и прошел к себе за перегородку.

– Как тебя зовут? – спросил незнакомый молодой человек.

– Михаил Алексеев.

– Вот что, Алексеев. Пойдем сейчас со мной, но давай условимся, что ты не вздумаешь удирать.

– Куда удирать?

– Удирать некуда. Это верно. Смысла в этом тоже нет.

Найду.

Они вышли на улицу и направились к трамвайной остановке. Трамвай довез их до Финляндского вокзала. Через

Литейный мост они пошли пешком и остановились возле здания НКВД.

С любопытством оглядывался мальчик по сторонам, когда они поднимались по лестнице, шли по коридору. Навстречу попадались торопившиеся куда-то моряки, пограничники, летчики. Но самый большой сюрприз ожидал Мишку в кабинете, куда они наконец вошли.

За письменным столом сидел знакомый человек с седыми висками, которого так недружелюбно встретил он на крыше.

– Товарищ майор государственной безопасности, ваше приказание выполнено, – сказал Мишкин провожатый.

– Хорошо. Садитесь, товарищ Бураков. – Майор хмуро смотрел на Мишку. – Ну что, парень, рот открыл? Муха залетит. Узнал?

– Узнал.

– Тем лучше. Садись. Как же это ты споткнулся, дружок? Я думал, что ты хороший, честный парень. Так геройски «зажигалки» тушил – и вдруг сумочки воровать.

Мишка сидел в кожаном кресле, опустив голову, и молчал.

– Думал я тебе поручить одно дело, – продолжал майор. – Думал, что ты поможешь нам. Да ничего теперь не получится. Воры нам не нужны. А жаль, жаль...

Потянулось молчание. Бураков поднялся с места.

– Разрешите идти, товарищ майор?

– Идите.

Мишка почувствовал руку, которая легла ему на плечо, и тоже встал. Но он не мог так уйти, ни слова не сказав.

– Я в первый раз... – пробормотал он.

– Сумочку – в первый раз, а прежде чем промышлял?

– Ничем. Никогда. Раньше я с отцом и с матерью жил...

– Знаю, – сказал майор. Теперь он улыбался. – Все знаю про тебя. Пятерку-то так и не отдал дворнику?! Эх ты! Горе наше!.. Ну, пойдй подкрепись, а потом еще побеседуем.

Мишка облегченно вздохнул. Если майор и про дворника знает, стало быть, знает и все остальное и верит ему. На душе у мальчика сразу стало легко и хорошо.

Выходя из кабинета, Мишка обратил внимание на небольшой чемоданчик, стоявший около стены. Чемодан отличался от обычных наших чемоданов замками и кожей коричневого цвета, даже ручка у него была необыкновенная, но тем не менее чемодан этот Мишке был очень знаком. Где-то, и совсем недавно, он видел этот чемодан. Майор перехватил пристальный взгляд мальчика, однако ничего не сказал.

Мишка вышел с Бураковым из кабинета. В последней по коридору комнате на столе стояла еда. С того дня, как мать ушла в последний раз на работу и больше не вернулась, Мишка не ел ничего горячего.

– Садись и ешь, – сказал Бураков и, взяв газету, сел в стороне на диван.

– Всё?

– Всё, всё... чтобы ни крошки не осталось.

Мишка жадно принялся за еду и, только когда в мисках было уже пусто, спохватился и пожалел, что впопыхах даже не разобрал вкуса того, что съел.

Когда они вернулись в кабинет, майор по-прежнему сидел за столом, перелистывая бумаги.

– Готово? Быстро же ты справился. Ну, теперь сыт?

– Сыт. Спасибо.

– Тогда давай потолкуем. Во-первых, откуда ты знаешь этот чемодан?

– Видел... а только, где я видел его, никак не могу вспомнить.

– Я помогу, – сказал майор, вынимая черные с золотым ободком часы. – Такие часы ты не видел, случайно?

При первом взгляде на часы Мишка вспомнил все. Сытный рынок... Однорукий... Чемодан... Человек в военной форме без петлиц. Папиросы.

Он толково и подробно рассказал всю сцену, которую наблюдал на рынке. Слово в слово повторил весь разговор и все мельчайшие подробности, подмеченные им.

Когда рассказ был записан, майор похвалил:

– Ты наблюдательный парень! Видимо, я в тебе не ошибся.

Дальше Мишка узнал интересные вещи. Оказывается, в Ленинград проникло много врагов. Во время воздушных налетов они пускают ракеты, указывая противнику военные объекты. Они готовятся к диверсиям, распространяют всевозможные слухи и всячески подрывают оборону города.

Главное – ракетчики. Их нужно быстро выловить. Если бы Мишка собрал группу надежных ребят и установил посты на разных улицах в своем районе, то они могли бы заметить человека, пустившего ракету. Затем нужно за ним следить. Установить его местожительство, куда он ходит, с кем встречается. У ребят будет свой штаб с телефоном. Весь этот план очень понравился Мишке. Однорукий, по словам майора, представлял особый интерес, и Мишка дал слово, что он сам найдет его во что бы то ни стало, тем более что знает его в лицо.

К часу ночи разговор закончили и всё решили. Домой идти было поздно, и Мишку положили спать на диван, в комнате, где он обедал.

Фантазия разыгралась. Мальчик долго не мог заснуть, мечтая о том, как он выловит однорукого со всей его шайкой и таким путем отомстит за убитую мать.

6. НОВЫЙ ДЕНЬ

Спал Мишка крепко: не слышал ни тревог, ни зенитной стрельбы. Утром в комнату зашел Бураков и принес завтрак.

– Ну вставай, дружок, – сказал он, поднимая штору.

Мишка сразу открыл глаза и вскочил с дивана, словно только и ждал этого прихода.

– Спишь ты на «отлично», по-настоящему спишь.

– Я чутко сплю, – согласился Мишка. – Чуть что – я уже на ногах.

– Вот именно. Чуть что... бомба, например, если рядом в комнате разорвется, ты моментом проснешься.

– Ну да, бомба...

– Никак не меньше. Я сегодня ночью к тебе раз пять заходил во время тревог. Спал ты как убитый. Стрельба сильная была, а ты только носом сопел.

– Ну да?

– Вот тебе и «ну да».

Мишка быстро надел ботинки, наскоро пригладил свои вихры и направился к столу.

– Подожди, дружок. Умываться по утрам ты не привык?

– Почему не привык? Я всегда умывался утром. С мылом даже.

– Неужели?

Они вышли в коридор. В уборной Мишка основательно

умылся и, вернувшись назад, принялся за еду и чай. Пока он ел, Бураков сообщил ему дальнейший план действий.

– Сейчас я тебя отпущу, и ты шагай к дому. Работать ты будешь со мной. Я буду заходить к вам ежедневно вечером, а когда поставим телефон, то будем звонить друг другу.

– А как же *он*? – спросил Мишка.

– Майор? Он, дружок, занятой человек. Ему звонить нужно только в крайнем случае. Понятно? Если что-нибудь особенное случится. Я его помощник и буду ему обо всем докладывать. Приедешь домой и начинай действовать. Собери ребят, но только тех, за которых ты можешь ручаться. Не болтунов, смелых, толковых. Понятно?

– Чего тут не понять!

– Вечером я зайду, ты меня познакомишь с твоими ближайшими друзьями. Васька Кожух и еще как?..

– Откуда вы знаете? – удивился Мишка.

– Знаю. Как второго звать?

– Степка Панфилов, – сказал мальчик и улыбнулся, сообщив, что о ребятах Буракову сказал майор.

Они поговорили еще с полчаса. Затем Бураков проводил Мишку до выхода.

Выйдя на Литейный, Мишка увидел, что по проспекту идет много людей с узлами. Некоторые везли свой багаж на тележках. На одной тележке между узлов лежал большой поросенок со связанными ногами, а рядом шла девочка, ведя на веревочке белую козу. Мишка поравнялся с девочкой.

– Ты откуда? Ты беженка, что ли? – спросил он ее.

Девочка посмотрела на Мишку большими глазами и ничего не сказала, видимо не поняв вопроса.

– Ты беженка? – переспросил он.

– Беженка, беженка! – сердито ответила за нее женщина, толкавшая тележку.

– А откуда ты? Издалека? – спросил Мишка девочку, когда они немного отстали от ее матери.

– Мы на улице Стачек жили. Знаешь? – ответила она.

Мишка не раз ездил на Кировский завод* и прекрасно знал этот широкий проспект.

– Понятно, знаю. А куда ты едешь?

– На Выборгскую сторону.

– От немцев уходите?

– Да. У нас, наверно, бой будет... Там стреляют.

Они дошли до Литейного моста и здесь расстались. Мишка свернул на набережную. Он шел неторопливо, обдумывая все то, что видел, слышал и пережил за эти короткие дни. Вспомнил проводы отца, дым пожаров, отряды ополченцев, разрывы бомб, их жуткий вой. Раньше слово «война» не вызывало в нем никаких представлений, кроме картинок, которые он видел в книгах да в кино. Теперь перед ним начинали вырисовываться контуры чего-то жестокого, громадного, что неумолимо надвигалось на всех, грозило раздавить, убить, разрушить. Мишка еще не видел близко крови и смертей, и поэтому образ войны только намечался в его сознании.

Пройдя Летний сад, Мишка свернул к Марсову полю. Вдруг что-то ударило в землю, и раздался страшный грохот. Не успел Мишка сообразить, что случилось, как последовал второй оглушительный взрыв, крики людей, звон разбитых стекол... Мишка выбежал из-за угла. Навстречу ему бежали перепуганные люди. Недалеко, в каких-нибудь ста метрах от него, стояло большое облако дыма. Снова что-то засвистело в воздухе и грохнуло, но уже дальше.

Это был артиллерийский обстрел. Первый снаряд ударил около Электротока* и убил проезжавшую лошадь. Кучер каким-то чудом остался жив. Второй снаряд упал около трамвайной остановки, недалеко от памятника Суворову, и ранил постового милиционера. Затем снаряды стали ложиться ближе к Невскому. Люди бежали и прятались кто куда. Более хладнокровные, в том числе и Мишка, бросились по-

могать пострадавшим. Раненого милиционера унесли в подворотню. На асфальте осталась небольшая лужа крови. Лошадь долго еще билась в судорогах, и ей ничем нельзя было помочь.

Осмотрев воронку, постояв немного около убитой лошади, Мишка направился к трамвайной остановке.

– Это цветочки. Ягодки будут впереди, – зловеще сказал пожилой мужчина в больших роговых очках.

– Да. Лапы у немца длинные. Середину города из пушки достал. Теперь держи ухо востро. Теперь мы на фронте.

Мишка внимательно посмотрел на двух говоривших мужчин. Оба они были пожилые, хорошо одеты, с портфелями.

– По правилам – город не удержат, – сказал один. – Артиллерия бьет по центру, а если они решатся на штурм, от Ленинграда ничего не останется.

– Не так страшен черт, как его малюют.

– Вы, видимо, имеете смутное представление о силе и технике немцев.

– Я-то имею представление. С четырнадцатого года по семнадцатый с немцами дрался. Пойду и теперь, если понадобится, а Ленинграда не отдадим.

– И я пойду, – вмешался Мишка.

– Правильно, парень.

– Ну, если мы еще и грудных младенцев в атаку пошлем...

Мишка хотел было отру гнуться, но его перебил второй:

– Тихо, паренек! Ни к чему спорить. Человек от страха

рассудок потерял и всякие глупости говорит. Пускай...

Подошел трамвай, и они разошлись в разные стороны. Мужчина в очках сел в первый вагон, а Мишка направился в последний. В вагоне говорили об обстреле, хмуро разглядывая из окна воронку от снаряда и выбитые стекла в домах.

Только теперь Мишке пришло в голову, что не следовало, пожалуй, оставлять этого человека в роговых очках, который говорил, что «по правилам – город не удержать». Кто его знает, что это за человек? Ведь всем было страшно, и, однако, никто со страха так не говорил. Мишка выругал сам себя. Но было уже поздно.

У площади Льва Толстого Мишка слез и пошел в детский сад.

Сестренка обрадовалась приходу брата, но первый ее вопрос больно отозвался в Мишкином сердце.

– Миша, а где мама?

– Мама нет, Люсенька.

– Мама на работе? Да? А мама придет?

– Если баловаться не будешь, придет, – ответил он, чувствуя, что бесполезно говорить ей о смерти матери.

Чтобы отвлечь девочку, он вытащил из кармана конфету, которую отложил для нее за завтраком.

– На вот...

Девочка немедленно сунула конфетку в рот.

– Ну, как ты устроилась? Хорошо?

Девочка кивнула.

– Ты скажи мне, если кто обижать будет.

Говорить больше было не о чем. Мишка вспомнил наставления матери, которые она раньше делала ему, уходя на работу, и повторил их сестре. Девочка молча кивала, но слушала невнимательно, несколько раз оглядывалась на дверь. Там были подруги, и, видимо, ее оторвали от игры. Погладив по голове сестренку и неловко чмокнув ее в щеку, Мишка вышел.

Отсюда он направился на Сытный рынок. Здесь можно было встретить людей из всех районов города, всех возрастов, всех профессий. Мишка осторожно пробрался к тому месту, где накануне он видел однорукого, но там его не оказалось. Углубившись в промежуток между ларьками, мальчик ждал и наблюдал, разглядывая людей и прислушиваясь к разговорам. Однорукого не было. Тогда он пошел по рынку и, выбравшись из толчеи, залез на лестницу рыночного корпуса. Отсюда было хорошо все видно, но из-за тесноты лица людей было невозможно разобрать. Мишка упорно искал в толпе запомнившуюся ему фигуру инвалида.

– Мишка! – услышал он знакомый голос.

Оглянувшись, он увидел Ваську, который протискивался к нему из толпы.

– Куда ты пропал? Мы тебя искали-искали вчера... Думали, разбомбило... Завтра со Степкой хотели в больницах искать.

– По делам ходил, – серьезно ответил Мишка. – А ты чего

тут?

– А я очереди продаю.

Васька забрался на лестницу и, устроившись рядом с другом, объяснил, что это значит.

– У ларьков очереди за картошкой, а как тревогу объявят, их разгоняют. Я, понимаешь, вон в тот подъезд запрячусь и жду. Как отбой заиграет, так бегом – и сразу к ларьку. Всегда первый. Хорошо платят. Видал?

Васька достал из кармана пачку «Зефира», открыл ее и протянул Мишке.

– Бери.

– Я бросил курить.

– Почему?

– Так. Ни к чему это. Небо только коптить, – резко сказал Мишка.

Васька с изумлением посмотрел на приятеля, смутился, закрыл коробку, повертел ее в руках и спрятал в карман.

Некоторое время они сидели молча. Васька чувствовал, что с приятелем произошло что-то, о чем надо было говорить в соответствующей обстановке.

– Где Степан? – спросил через минуту Мишка.

– Дома, наверно. А что?

– Ничего. Потом все расскажу. Пойдем к нему.

Они выбрались на улицу и молча пошли к дому.

7. РАКЕТЧИК

Тревоги следовали одна за другой с небольшими перерывами. Наступили дни, когда сирены гудели по двенадцати раз в сутки. Особенно жестокие налеты были по ночам. Эшелоны немецких бомбардировщиков летели на большой высоте и сбрасывали бомбы во всех районах города. Навстречу им, в черное небо, по-прежнему летели разноцветные ракеты, пущенные таинственной рукой.

Команда Мишки Алексева из пяти надежных и проверенных друзей с вечера расходилась по разным улицам и добросовестно дежурила до утра. Днем ребята спали в красном уголке жакта*, где у них находился штаб. Каждый день в штаб заходил Бураков.

– Ну, как дела? – спрашивал он Мишку.

Тот пожимал плечами и вот уже третий раз отвечал одно и то же:

– Плохо...

Они садились к столу, вытаскивали карту Ленинграда, разглядывали ее и заново намечали посты на улицах и в переулках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.